

комыми людьми в разных жизненных ситуациях. Буду благодарна за отклики!

Нина Соловцова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Публикуем первую главу воспоминаний Галины Васильевны Васиной – старейшей и любимой учительницы, обучавшей несколько поколений слепоглухих детей. В первой части воспоминаний – рассказ о начале ее педагогической деятельности под руководством замечательного ученого, профессора И. А. Соколянского.

Редакция благодарит Татьяну Александровну Басилову, зав. кафедрой специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, за подготовку материала к печати и подбор фотографий.

Первые шаги в профессии

В 1953 г. после окончания московской средней школы я поступила в Педагогический институт им. В. И. Ленина на дошкольное отделение дефектологического факультета. Учиться было

И. А. Соколянский

очень интересно – столько нового, необычного для меня!.. Однажды на встречу со студентами деффака пришел профессор Иван Афанасьевич Соколянский со своей ученицей Ольгой Ивановной Скороходовой. Тогда она уже была научным сотрудником НИИ дефектологии. Встреча состоялась в самой большой аудито-

рии главного институтского корпуса. В то время о слепоглухих было мало что известно, поэтому зал был битком набит слуша-

телями. Эта встреча произвела на меня огромное впечатление. Но в тот памятный день я даже предположить не могла, что моя жизнь навсегда будет связана с обучением слепоглухих детей и что я стану работать вместе с И. А. Соколянским и О. И. Скороходовой.

На третьем курсе института мы проходили практику в детском саду № 761 для глухих детей, который располагался в районе переулка Сивцев Вражек. Однажды в коридоре второго этажа я нечаянно наткнулась на малыша, неожиданно вышедшего из-за маленького шкафа. Он уцепился за мое платье и начал ощупывать меня ручками. Когда я взглянула ему в лицо, то почувствовала, что холодею. Мальчик был слеп. Эта встреча с ребенком, который не видел и не слышал, была для меня потрясением. Я никому не сказала об этом, но старалась не попадать на второй этаж и особенно в ту часть детского сада, где впервые увидела, как впоследствии оказалось, будущего своего ученика Сережу Сироткина.

После окончания третьего курса мне довелось поработать в летние месяцы воспитательницей на даче детского сада № 761. За лето я еще больше привязалась к своим маленьким подопечным, подружилась с другими педагогами. В то время я уже присматривала будущее место работы, ведь через год мне и моим однокурсникам предстоял выпуск из института. Конечно, я с радостью согласилась на предложение заведующей детским садом Е. И. Субботиной остаться работать в нем по вечерам, после занятий в институте. Так с сентября началась моя трудовая жизнь. Утром я училась в «ленинке», а во вторую половину дня и по субботам с утра спешила в детский сад к глухим малышам.

Мне повезло работать воспитательницей в группе педагога Р. А. Мареевой. Раньше Раиса Афанасьевна преподавала в школе для слабослышащих под руководством К. А. Микаэльяна. Студенты отзывались о ней как об очень опытном и требовательном специалисте. Именно в ее группе я вновь встретила с Сережей Сироткиным. Раиса Афанасьевна работала с ним индивидуально после фронтальных занятий с глухими детьми.

Как-то раз я увидела в нашем детском саду уже знакомого по институтской встрече И. А. Соколянского. Оказалось, что он приходил к Раисе Афанасьевне для консультации по ее дальнейшей работе с Сережей. Планировалось, что Р. А. Мареева продолжит

после детского сада индивидуальное обучение Сережи в школе для слепых.

Стоит ли говорить, что после окончания пединститута я получила распределение именно в детский сад № 761, ставший для меня вторым домом. И вот однажды Мареева сообщила мне, что Иван Афанасьевич предложил ей учиться в аспирантуре и что теперь она не сможет продолжать работать. Ее просьба ко мне состояла в том, чтобы обучение Сережи в школе вместо нее начала я. Это предложение было неожиданным для меня. Как работать с таким ребенком, как и чему его учить? В садике я наблюдала, как Раиса Афанасьевна налаживала с Сережей общение, учила его дактилологии, ставила звуки речи. Но мне предлагали учить слепоглухого в школе! Голова «шла кругом». И всё же после долгих раздумий я согласилась. Конечно, очень надеялась на помощь Раисы Афанасьевны.

Когда мы пришли в НИИ дефектологии, Р. А. Мареева представила меня И. А. Соколянскому: «Возьмите эту девушку, она неплохо работает с глухими детьми». Иван Афанасьевич взглянул на меня и сказал: «Ну что же, посмотрим». И с осени 1957 г. меня оформили учительницей в школе слепых для индивидуального обучения единственного слепоглухого ученика Сережи Сироткина. Одновременно мне предстояло самой учиться работать с таким ребенком. Той же осенью в лабораторию, которой руководил И. А. Соколянский, пришел работать научным сотрудником А. И. Мещеряков.

Г. В. Васина со своим учеником С. Сироткиным.

Помнится, по понедельникам в лаборатории института мы собирались на беседы об обучении слепоглухих. И. А. Соколян-

ский делился с нами опытом работы в харьковской школе для слепых. Рассказывал и о своей жизни, о том, с какими интересными людьми ему довелось встречаться. Он часто приглашал нас на интересные лекции и семинары; услышанное там мы обсуждали потом на очередном «понеделнике». Бывая в институте, я наблюдала за работой педагога Фаины Михайловны Казакевич со слепоглухой ученицей Юлией Виноградовой и тоже училась.

В начале моей работы с Сережей бывали такие дни, когда хотелось всё бросить: казалось, что я не справляюсь, у меня не получается, не выходит. Но рядом была Раиса Афанасьевна. Я бежала к ней со своими неурядицами, неудачами и даже отчаянием. И она меня терпеливо учила, поддерживала, ободряла, вселяя веру в то, что всё будет хорошо. Мы учились с ней вместе. Она – в аспирантуре, а я – у нее и у своего ученика Сережи. А потом мы делились с Иваном Афанасьевичем нашими маленькими удачами.

Соколянский был удивительный человек. Меня всегда восхищала широта его знаний в различных областях. Он был и психолог, и педагог; его интересовали и технические, и философские вопросы. Не чужды были ему и проблемы лингвистики. А об обучении глухих и слепоглухих детей он мог говорить без конца. Но в разговорах со мной и другими учениками он никогда не показывал свое превосходство, всегда помогал молодым собеседникам почувствовать себя более уверенными. Ежеженедельно я приезжала к нему в НИИД и рассказывала, как и чему я научила Сережу. Потом мы обговаривали методику и план работы с мальчиком на следующую неделю, по которому я отчитывалась в очередную встречу. Конечно, не всё у меня получалось. Но Иван Афанасьевич терпеливо разъяснял мне мои ошибки, подсказывал, как их исправить. И однажды, после нескольких месяцев моей работы с Сережей в школе я принесла ему первую самостоятельную письменную работу Сироткина. Внимательно ее прочитав, И. А. Соколянский сдержанно улыбнулся и сказал: «Ну что же, Галя, это первая ваша маленькая победа. По такому поводу можно даже выпить шампанское...»

Помню, как-то мне досталось от Ивана Афанасьевича, но при этом он отстаивал мой авторитет учителя перед учеником. Дело было так. Сережа, как и многие дети, был шалуном, со своим характером. Когда я порицала его неправильное поведение, то

иногда говорила, что не разрешу гулять или заниматься любимым делом. Но свои «угрозы» очень часто не выполняла. И вот в очередной раз, когда Сережа сильно напроказничал, я рассердилась и сказала, что он не поедет со всей школой на речном трамвайчике по Москве-реке. Но в ответ Сережа заявил, что его, как и раньше, простят. Я поняла, что на этот раз не должна отступать, хотя понимала, какого большого удовольствия придется лишиться ребенка. И категоричным образом заверила Сережу, что он ни за что не поедет на пароходе. Разумеется, вскоре вмешалась мама моего ученика, которая была против такого наказания. Узнала о нашем конфликте и Ольга Ивановна Скороходова – она тоже была удивлена, что я лишаю Сережу участия в замечательном мероприятии.

Наконец, происходящее стало известно и Ивану Афанасьевичу. Он позвонил в школу и попросил меня приехать. Долго, тактично беседовал со мной. Не отчитывая меня и не делая мне выговора, достаточно убедительно объяснил, в чем была моя ошибка. Но не отменил наказания. Он также дал совет – не говорить воспитанникам заранее о предполагаемом большом мероприятии. Обстоятельства могут измениться, но педагогу будет очень трудно объяснить детям причину его отмены.

В молодости я не всегда была пунктуальна, иногда опаздывала даже на встречи с Иваном Афанасьевичем. И он стал беспокоиться, не собираюсь ли я переменить место работы. Годы спустя я поняла, сколько сил, терпения, опыта он вкладывал в меня, хотя и не был уверен, что я «приживусь» в очень трудной профессии. Но я очень старалась и постигала «тайны» обучения слепоглухих детей. Когда Иван Афанасьевич заболел и лежал в больнице, мы навещали его. Однажды (кажется, это было в последний раз, когда я его видела) он поинтересовался, как мне работается. А на прощанье сказал, что теперь верит – я буду продолжать работать со слепоглухими. Я была очень рада услышать от него такое. Это было признанием моей причастности к делу, которому он отдал всю свою жизнь.

За годы работы в экспериментальной группе слепоглухих, а потом в школе глухих я участвовала в обучении 41 слепоглухого ребенка. Я также работала с Ольгой Ивановной Скороходовой и со слепоглухими студентами МГУ. Рассказ об этом – в следующих главах.

(Продолжение следует)